

Виктор Кривулин: дух Петербурга

Михаил Талалай

Институт всеобщей истории Российской Академии Наук (Милан-Москва)

Абстракт

Рецензия на итальянскую книгу петербургского поэта Виктора Кривулина *Concerto a richiesta e altre poesie*, вышедшую в 2016 г. в издательстве Passigli в серии “Russia poetica”, в переводе, с предисловием, комментарием и научной редакцией Марко Саббатини.

Ключевые слова

В. Кривулин, М. Саббатини, перевод русской поэзии, Самиздат, андерграунд, петербургская культура

Контакты

talalaym@mail.ru

Виктор Кривулин (1944-2001), с картой Петербурга на заднем плане (Фото М. Талалая, 1997)

Весной 1987 года на Исаакиевской площади появился и *Витя* (почему-то все его тогда звали уменьшительным именем, несмотря на внушительно «взрослую» внешность).

Ломали старую гостиницу «Англетер», и в воздухе витал сладкий аромат молодежного бунта, перемешавшийся с запахом таявшего снега.

По возрасту Витя порядком «зашкаливал» юных пикетчиков и пикетчиц, но это не помешало ему быстро стать среди них своим. Многим его карломарксова борода уже, впрочем, была знакома, в качестве атрибута завсегда Сайгона. Но и те, кто видел его впервые, интуитивно чувствовали в нем «своего», то есть одного из участников неопределенного «петербургского дела», с туманными целями вроде «возрождения петербургских традиций».

Самому Вите их возрождать было незачем — он являлся их воплощением. Достаточно было беглого взгляда на его избыточную шевелюру, на его лицо, с искренним, чуть удивленным, выражением, чтобы безошибочно отнести Кривулина к типическим представителям петербургской культуры. Он мог бы и ничего не делать, а просто вот своим независимым и оригинальным видом выказывать живучесть петербургского духа.

Но Витя делал - писал, и писал много и хорошо. Однако не публиковал — по понятным причинам. И ведь не антисоветские вещи сочинял — но как и его вид, так и его темы, просто его искренняя интонация, никак не подходили под тогдашние правила игры.

Есть поэты камерные, есть трибуны. Виктор совмещал и то, и другое. А может, это зависело от времени. Он был камерным в «камерные» семидесятые годы, а в конце восьмидесятых стал трибуном, неуклюже, из-за болезни, забираясь на те самые трибуны. На площадных подмостках и клубных эстрадах, недавно принадлежавших совсем другим людям, он держался, как будто это был его дом родной. Глухим обворожительным голосом, с вежливыми петербургскими интонациями, Витя читал молодежи свои стихи о Петербурге. И его поэзия казалась тогда программой действия, например, против тупости и пошлости властей.

Очевидно, ему все-таки нужна была публика. Ему хотелось, чтобы стихи его знали. Не всегда же в стол писать, или в свой легендарный журнал "37", который никто из нового поколения в глаза не видел.

...Помню, как Витя вернулся из своей первой заграничной поездки. Конечно же, из поездки в Париж — куда еще может поехать «невыездной» прежде интеллигент, впервые выпущенный в Европу? Впечатления? Ну, конечно, Эйфелева башня — само собой, о ней и не стоит. Главное впечатление от границы — быстрота публикуемого. «Представляешь, написал статью в кафе (заметь, что эту кофейную культуру он привез в Париж с собою уже готовой, из «Сайгона»), отнес написанное от руки в соседний дом, в редакцию «Русской мысли», а через пару дней тебя в метро читают».

Да, было чему удивиться ему, десятилетиями ждавшему, дабы придуманные им сочетания слов были отпечатаны типографским способом.

Viktor Krivulin

Concerto
a richiesta
e altre poesie

a cura di
Marco Sabbatini

и стали русские слова
как тополя зимой
черней земли в отвалах рва
во рту у тьмы самой

le parole russe sono diventate
come i pioppi d'inverno
più nere della terra ai bordi del fosso
nel buio profondo della bocca

Passigli Poesia

Витя не раз звал к себе домой. Но я так и не удосужился это сделать, в отличие, вероятно, от многих иных. Он жил, где-то на самом юге гигантского города, я — на самом севере. И путь между нами по времени был почти такой же, как между Миланом и Римом.

Однажды мне случайно попался старый номер парижского журнала, выпускавшего его подругой Таней Горичевой, ставшей известным религиозным философом. В журнале было опубликовано письмо Вити из Ленинграда конца

80-х. Он писал о том, как читал стихи на площадях и в каких-то клубах перед «мальчиками и девочками», взявшимися за спасение петербургских памятников. И как ему было по душе это занятие.

...Итальянская культура отзывчива на другие культуры в целом, и на русскую в частности. Итальянцы прекрасно знают современную поэзию, и приходилось лишь удивляться, что мастер такого калибра, как Виктор Кривулин оставался непереуведенным – вероятно, сказалоь его альтернативное прошлое, как и трудности перевода поэзии в целом.

Однако наступило и его время: русист Марко Саббатини собрал антологию его стихов, прокомментировал и предпослал им свое предисловие. Обращение Саббатини к творчеству Кривулина – органично, так как итальянский филолог уже известен как проникновенный знаток русского Самиздата и его литературной составляющей, которая еще не нашла окончательного определения: в настоящее время ее чаще всего называют андерграундом, что не вполне принято самими деятелями Самиздата.

Трудно вложить 40-летнюю поэтическую параболу в небольшой томик, который, если учесть необходимую билингву, становится еще в два раза меньше. Составитель отлично справился с этой задачей: перед читателем - не только путь рафинированного, философического автора, но и путь современной русской поэзии ее ленинградско-петербургской ипостаси, и еще шире – путь русской культуры в момент ее очередного перелома.

В своем емком предисловии Саббатини выделяет несколько главных моментов творческого наследия Кривулина. Это – дух Петербурга, который пронизывал его тексты и приводил на площади в моменты общественного протеста. Это замешательство поэта, когда андерграунд превратился в мейнстрим, прорвавшись на телевидение и в официальную печать, в то время, как неофициальная печать вообще перестала существовать. И, главное, это – выстраданное мировоззрение автора, который, пережив драматический перелом рубежа 80-90-х гг., остался верен своему неприятию тяжелого российского официоза и казенной государственности. «Десять лет на свободе, а всё еще...» Авторитарная тяжесть, давящая личность любого калибра, ассоциируется у поэта с ископаемым мамонтом, и эту ассоциацию составитель антологии вынес в заголовок своего предисловия: «Il poeta e il mammit». (Уже в самые новейшие время эту тяжесть передал кинематографическими средствами режиссер Андрей Звягинцев, поставив перед публикой проблему «Левиафана»: перефразируя Кривулина - «Тридцать лет на свободе, а всё еще...».)

Убежден, что стихи Кривулина будут интересны итальянскому читателю не только их блестящей формой и густым петербургским содержанием, но и их высокой гражданственностью и, все-таки, верой.